

НА УРОКАХ ВИКТОРИИ САМСОНОВНЫ ИСАХАНОВОЙ*Айдарова Лариса Константиновна*

Тридцать лет назад мне, начинающему преподавателю, посчастливилось попасть в СИПКРО на курсы к легендарной В. С. Исахановой. Виктория Самсоновна щедро делилась своим опытом, а в конце лекций написала на доске свой домашний телефон и предложила звонить, если появятся вопросы, и приходить на уроки в любое время. Смело воспользовавшись этими предложениями, я увидела, КАК она работает, а спустя несколько лет и поняла, ПОЧЕМУ именно так. Вот об этих «как» и «почему» я и хочу рассказать. Высокий интеллект, фантастическую работоспособность, обаяние перенять невозможно. Но отдельные элементы технологии вполне доступны и таким средним учителям, как я, и даже при частичном воспроизведении дают хорошие результаты. Подчеркиваю, дело было тридцать лет назад, до цифровой эры, когда не то что Интернета и интерактивных досок, а даже ксероксов не было. Но и сегодня, боюсь, не каждая сельская школа оснащена современной техникой.

Прежде всего бросалось в глаза **оборудование кабинета**.

1. Передняя и правая стены были заняты классными досками, в т. ч. и с откидными крыльями. Часть этих досок – магнитные. Одна расчерчена в клетку с обозначенными осями координат, в стороне – проволочные модели основных графиков: параболы, синусоиды и т. д., поэтому параллельный перенос выполнялся в считанные секунды. Рядом располагались выполненные на фанерных дощечках размером 40*40 см чертежи основных стереометрических тел. При решении задачи нужный чертеж переносился в центр доски.

2. Набор удобных самодельных резиновых штампов стереометрических чертежей. Нужные для урока оттиски ученики ставили в тетрадах в перемену.

3. Огромное количество стереометрических моделей, в т. ч. выполненных учениками. Мне казалось, что модели есть буквально к каждой задаче не только школьного учебника, но и заданных М. И. Сканава и В. М. Говорова.

4. Очень удобный самодельный проектор. Все необходимые для урока записи учитель выполнял дома на прозрачных пленках, не тратя время на уроке и переменах.

5. Очень большой набор карточек индивидуального опроса. По этим карточкам каждый урок 3–4–6 человек работали у доски и столько же – за первыми партами, так что требование завучей «шесть оценок за урок» перевыполнялось с лихвой.

6. Настенные часы, точнее таймер, отсчитывавший сорок пять минут урока. На стене самодельный плакат со стихотворением «Не позволяй душе лениться».

7. Большая библиотека математической литературы.

Все это настраивало сразу на рабочий лад и позволяло максимально эффективно использовать каждую минуту урока.

Но главное – **организация урока**. У учителя две основные задачи: дать знания и взять их. И вот от организации обратной связи успех обучения зависит процентов на семьдесят. Такой плотности контроля и такого разнообразия его видов я больше не встречала нигде.

1. **Самоконтроль**. Самостоятельные работы очень часто были короткими, выполнялись на половинках тетрадного листа, и либо сразу после сдачи работы предьявлялось правильное решение с помощью проектора, либо записи параллельно выполнялись кем-то из учеников на закрытых крыльях классной доски, а в нужный момент демонстрировались классу. Так или иначе, обсуждение только что выполненной работы проводилось обязательно, и это в разы эффективнее работы над ошибками, которая выполнялась через несколько уроков после проверки тетрадей. Закрытые крылья удобны и при обучающих самостоятельных работах на этапе разучивания материала, когда решение задачи вначале обсуждается фронтально, потом сильные ученики выполняют работу на закрытой доске, учитель следит наиболее тщательно за их действиями, а все остальные имеют право без разрешения подойти к доске и получить устную консультацию работающих там. Кроме того, практиковались и устные контрольные работы в таком же стиле.

2. **Взаимоконтроль.** Классно-урочная система недаром когда-то была придумана для одновременного обучения всего 6–7 детей, потому что объем внимания любого человека, в т. ч. учителя, от 5 до 10 объектов, в среднем 7. Но в классе-то их 30! Письменные работы можно и после урока проверить, а устные ответы? У Виктории Самсоновны ученики опрашивали друг друга, за 45 минут устного зачета каждый должен был ответить по пять теорем и объяснить устно решение стольких же задач, потом следовал выборочный контроль учителя и после этого оценки выставлялись в журнал. Организовано это было так: группа из пяти сильных учеников-экспертов опрашивалась заранее, на уроке каждый из них принимал зачет у пятерых одноклассников. В конце урока учитель выборочно опрашивал по одному человеку из каждой группы, и если его оценка совпадала с оценкой эксперта, то всей его группе выставлялись поставленные экспертом оценки, если понижал, то понижал всем, но если повышал, то и повышал всем.

3. **Внешний контроль.** Систематически устраивались т. н. «общественные смотры знаний», во время которых опрос вели родители, старшеклассники, студенты, посторонние учителя вроде меня.

4. И, наконец, **контроль учителя:** контрольные работы, опросы у доски и по карточкам.

5. **Неизбежность контроля.** Каждый должен ответить всё: если не получилось сегодня, можешь прийти завтра к семи часам утра и ответить.

Все эти приемы использовались в то время многими учителями, и заслуга В. С. Исахановой в том, что именно у нее эти приемы сложились в стройную, эффективную систему.

Я не сумела разобраться в **системе упражнений**, знаю только, что **устных** было очень много. Дидактические материалы с задачами на готовых чертежах были на каждого ученика, многое предъявлялось через проектор. Проводились даже устные контрольные работы, во время которых каждая задача выполнялась на отдельном листке, и сразу после сдачи листков правильное решение озвучивалось кем-то из учеников, т. е. и сам процесс контроля совмещался с обучением.

Я не сумела разобраться в **разноуровневой** работе, а она, конечно, была. Знаю только, что кружок олимпиадных задач работал по воскресеньям. Я наверняка не увидела многого другого.

Почему эта система давала такие прекрасные результаты? Профессиональные психологи объяснят это лучше и правильнее, но я скажу своими словами.

Во-первых, шло интенсивное **развитие речи активной**, а следом за ней – и **пассивной**. Мы мыслим образами, а информацию передаем и принимаем символами, т. е. звуками и буквами. Процесс говорения – это процесс зашифровки символов, а процесс слушания – расшифровки. И если связь между словом и образом не сформирована или размыта, то человек воспринимает чужую речь просто как шумовой поток. Я после пятидесяти лет стала забывать английский и в устной речи разбираю только отдельные слова, но если долго смотрю на напечатанную фразу, перевод медленно всплывает. Представляете состояние ребенка с несформированной математической речью на уроке математики во время объяснения учителя? Он слышит тот же шумовой поток.

Но если мы ограничимся только произнесением формулировок, не разучивая доказательств теорем, то мы уберем из преподавания вопрос «почему?», оставив только вопрос «как?», т. е. какие манипуляции надо бездумно совершить над этими символами, чтобы получить отметку. Кому и зачем нужно такое образование?

Во-вторых, большое количество устных геометрических задач позволяет не только быстро **отработать понятийный аппарат**, но и помогает ребенку создать свою «картотеку» **ситуаций**, встречающихся при решении задач. И поиск решения новой сложной многоходовой задачи сводится к отысканию цепочки знакомых ситуаций, встречавшихся ранее.

В-третьих, вовремя предъявленное правильное решение задачи, вовремя поправленная ошибка в терминах или формулировках способствуют более быстрому формированию необходимых навыков. **Переучивать всегда намного труднее, чем учить.**

В-четвертых, «**воспитывает не тяжесть наказания, а его неизбежность**». Необходимость выучить и ответить всё формирует и более ответственное отношение к урокам в целом.

В-пятых, учитель обязан **учитывать особенности мышления** каждого своего подопечного, и если одному достаточно эскиза на доске, то другому необходимо пощупать и рассмотреть макет со всех сторон. Наличие огромного количества стереометрических моделей позволяет и этим детям научиться решать задачи хотя бы на уровне школьного задачника.

В-шестых, сформированное умение быстро и правильно укладывать в голове большие объемы знаний существенно упрощает процесс обучения. Хорошо развитая активная и пассивная речь позволяет следить за мыслью учителя во время объяснения, а значит, понимать материал непосредственно на уроке, да и текст учебника становится доступным. Зная выводы формул и доказательства теорем, проще восстановить случайно забытые факты. При этом сам процесс заучивания теорем с доказательствами тренирует память. Не смейтесь, я все чаще встречаю детей, не способных запомнить формулу, не то что формулировку теоремы, не умеющих различать определения, признаки и свойства.

Раньше шести уроков математики в неделю хватало для усвоения программы. Сейчас ребята отсиживают пять-шесть уроков в классе, где получают одну оценку в две недели, потом два часа на курсах и элективах, где обратной связи нет вообще, а потом еще идут к репетитору на два-три часа, где их наконец-то выслушают и проконтролируют. И в результате сдают ЕГЭ на 50 баллов.

При этом репетитор за два часа в неделю в одиннадцатом классе не в состоянии дать полноценное системное образование и вынужден просто натаскивать на решение стандартных экзамениционных задач.

Не будем обсуждать, кто виноват. К сожалению, сейчас учителя, владеющие хорошими интенсивными методиками обучения, остались в основном в лицеях и гимназиях и только кое-где в школах, их не больше двадцати процентов. Низкий поклон им. С ними можно проводить круглые столы, съезды, конкурсы, нужно фиксировать и распространять опыт их работы.

Почему только платные курсы иностранных языков рекламируют себя: «обучение ведется интенсивным методом»? У нас интенсивные методы тоже есть. Один из них разработан В. С. Исахановой. В современных, хорошо оборудованных кабинетах его можно осуществить намного проще, в остальных может быть полезен и изначальный вариант. Главное – **показать учителям, что можно вести уроки и в таком стиле.**

Но чтобы зажечь людей, текста мало. Нужны подробные видеолекции автора метода (повторяю, я увидела далеко не всё), возможно с комментариями профессиональных методистов и психологов, съемки в ее кабинете, мастер-классы и практические занятия для учителей. Нужно создать сообщество единомышленников, площадку для их общения, банк их методических разработок. А для поощрения и распространения можно провести фестиваль интенсивных методов обучения. И пусть там участвуют студенты, молодые учителя, т. к. фестиваль нужен для молодых, еще только ищущих свой стиль. Метод должен быть удобен, как кухонный нож по руке. Я читала и В. Ф. Шаталова, и Р. Г. Хазанкина, но воспроизвести не смогла. А вот у В. С. Исахановой взять что-то получилось. И у других получится, главное, чтобы была информация.

И последнее. «Высокие лбы» в основном обсуждают, **что преподавать**, а вопросами **как** занимаются учителя-практики. Тем более ценен сложившийся, отработанный, дающий прекрасные практические результаты метод, который хотя бы частично доступен для воспроизведения другими учителями.

Эта статья была написана девять лет назад, при жизни Виктории Самсоновны, с целью продвинуть идею **фестиваля интенсивных методов обучения**. Не сумела.